

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ИСТОЧНИКИ	13
ИСТОРИОГРАФИЯ	28
КАТЕГОРИИ И ЧИНЫ СЛУЖАЩИХ РУССКОГО ФЛОТА	31
ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О МОРСКОМ КОСТЮМЕ	43
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОСТЮМА	57
ПРЕДМЕТЫ КОСТЮМА	76
МАТРОССКИЙ КОСТЮМ	150
КОСТЮМ РЕКРУТОВ, КАТОРЖНИКОВ, МАСТЕРОВЫХ И РАБОТНЫХ ЛЮДЕЙ, ВОЕННОПЛЕННЫХ	184
НЕМЕЦКОЕ ПЛАТЬЕ НИЖНИХ ЧИНОВ	188
КОСТЮМ ОФИЦЕРОВ	205
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	244
ПРИЛОЖЕНИЕ А	292
Одежда, продававшаяся британским матросам на кораблях флота (1-я четверть XVIII в.)	
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	293
Список имущества капитана флота Луки Стеля, умершего в октябре 1709 г.	
ПРИЛОЖЕНИЕ В	294
Список имущества капитан-командора Ивана Бекмана (John Beckman), умершего в сентябре 1711 г.	
Приложение Г	295
Список имущества штурмана Ермана Ситца, оставленного им в Астрахани весной 1715 г.	
ПРИЛОЖЕНИЕ Д	296
Данные о наличии мундира в Ревельских флотских магазинах в январе-апреле 1719 г.	
ПРИЛОЖЕНИЕ Е	298
Рассуждение Военной морской комиссии о мундире нижних чинов флота (1732 г.)	
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж	299
Мундир умершего квартирмейстера, проданный с торгов в 1736 г.	
ПРИЛОЖЕНИЕ З	300
Описи одежды умерших морских служителей, отложившиеся в делах Азовской конторы над портом (1738 г.)	
ИСТОЧНИКИ	302
СОКРАЩЕНИЯ	319

БЛАГОДАРНОСТИ

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА БЕЗВОЗМЕЗДНОЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ:

Абрамов Ю. Ш., коллекционер

Архитектурное бюро «Студия 44» (Санкт-Петербург)

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск
и войск связи (Санкт-Петербург)

Галерея К (Санкт-Петербург)

Государственный музей городской скульптуры (Санкт-Петербург)

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Музей истории Кронштадта (Санкт-Петербург)

Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (Великий Новгород)

Санкт-Петербургский государственный музей театрального
и музыкального искусства (Санкт-Петербург)

Центр подводных исследований Российского географического общества

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ:

Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Государственный Исторический музей (Москва)

Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Калужский музей изобразительных искусств (Калуга)

Костромской историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник (Кострома)

Московский музей-усадьба Останкино (Москва)

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург)

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ВОЗМОЖНОСТЬ
ДЕТАЛЬНОГО ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ПРЕДМЕТАМИ КОСТЮМА
М. Л. Копейкину, Р. Ю. Прохорову (ЦПИ РГО), к.и.н. Н. И. Тарасовой (ГЭ),
К. В. Шмелеву (СПбГУ)

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:
из фондов РГАДА – д.и.н. проф. П. А. Кротову (СПбГУ),
из фондов РГВИА – О. Г. Леонову.

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА НЕОЦЕНИМЫЕ СОВЕТЫ –
к.и.н. Н.Г. Рогулину

«Который, едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот – обе руки имеет». Эти слова Петра Великого эхом откликнулись в конце XIX в., когда император Александр III сказал, что у России есть только два союзника: армия и флот.

Естественно, что истории Российской императорской армии и флота посвящено много исследований, публикаций документов и музейных предметов.

Среди них заметное место занимают работы, посвященные вооружению, обмундированию, снаряжению. Однако приходится признать, что обмундированию и снаряжению российского флота уделено во много раз меньше внимания, нежели армейскому.

И вот нашему вниманию представлен капитальный труд, посвященный абсолютно неизвестному не только широкой публике, но и специалистам предмету. А именно – форменному костюму российского флота первой половины XVIII в.

К.Б. Назаренко, автор этого исследования, кропотливо изучил практически все возможные источники по этой теме.

Благодаря этому, как мозаичная картина собирается из маленьких кусочков смальты, собралось максимально полное представление о внешнем облике моряков нашего флота.

Отлично структурированный текст и практически исчерпывающий изобразительный ряд, обширная библиография делают эту книгу незаменимой для каждого интересующегося историей форменного костюма и в целом историей Русского флота.

Председатель Геральдического совета при Президенте Российской Федерации — государственный герольдмейстер, заместитель директора Государственного Эрмитажа по научной работе

Г. В. ВИЛИНБАХОВ

Введение

В последние десятилетия униформология превратилась в признанное направление исторических исследований. Прилив в эту тему значительных научных сил привел к вводу в научный оборот большого количества письменных, изобразительных и вещественных источников. Картина истории отечественного форменного костюма сейчас выглядит неизмеримо более полной, чем еще тридцать лет тому назад. Между тем интересы почти всех специалистов по отечественной униформологии сосредоточены на форменном костюме сухопутной армии и (в гораздо меньшей степени) гражданских ведомств. История форменного костюма военно-морского флота оказалась обойдена вниманием. Причиной этого нам представляется мнимая «простота» и «неизменность» флотской униформы, а также объективно меньшее ее разнообразие по сравнению с сухопутной.

Мы считаем верным такое общее определение костюма: «Одежда служит человеку для защиты тела, под костюмом же подразумевается определенная образно-художественная система, характеризующая индивидуум. В понятие “костюм” входят одежда, обувь, прическа, головной убор, перчатки, украшения, макияж и др. Костюм заключает в себе образно-психологическую характеристику носителя, являясь тем знаком, который, с одной стороны, отличает, выделяет его и, с другой стороны, позволяет узнать в нем представителя определенной общественной среды» [653, с. 89].

Одной из разновидностей костюма является форменный костюм, который подчиняется общим направлениям развития моды, на что указывал В. М. Глинка [634, с. 5–6]. По определению Н. Г. Рогулина, форменный костюм – это «законодательно регламентированный или исторически сложившийся и закрепленный традицией комплекс предметов личной одежды, знаков различия, снаряжения и аксессуаров, служащий признаком принадлежности к определенной корпорации, группе или сословию, указывающий на положение в данной корпорации или группе и обеспечивающий его владельцу выполнение профессиональных и должностных обязанностей в конкретной исторической обстановке» [687, с. 117].

Среди качеств форменного костюма выделяются **функциональность** (которая «является основным качеством мундира или форменного костюма. Именно это качество определяет удобство использования комплекса одежды и его составляющих частей, возможность исполнения его носителем своих служебных обязанностей, удобство и комфортность»), **аттрактивность** («внешняя привлекательность, зрелищность форменного костюма исключительно важна, т. к. повышает престижность и мундира, и его обладателя»), **традиционность** (которая «показывает следование историческим традициям или отказ от них, и определяется социальными факторами» [687, с. 117–118]).

Очень часто проблема исследования облика военнослужащих прошло-

1. Схоонебек (Шхонебек) А. Осада турецкой крепости Азов...

Инженер Ф. Ф. Тиммерман. 1696 г. ГЭ [494, фрагм.]

1. Adriaan Schoonebeek, *Siege of Turkish fortress Azov...* Military engineer Frans Timmerman, 1696. Fragment

го неоправданно сужается, сводится к реконструкции собственно военной формы в самом узком понимании этого слова, когда исследователь считает достаточным опубликовать (в лучшем случае – со своими комментариями) тот или иной нормативный акт или описание сохранившегося предмета военного костюма. Необходимо ставить вопрос шире – о военном костюме как совокупности элементов, которые могут быть:

регламентированы государственными, ведомственными или локальными (приказ командира части, соединения) нормативными актами

путем текстового описания. Такое описание с течением времени становится все более подробным – для описания форменного костюма в начале XVIII в., как правило, хватало нескольких строк, а в XX в. соответствующие документы разрастаются на сотни страниц;

с помощью рисунка, дополняющего или заменяющего текстовое описание;

указанием на образец (зачастую не дошедший до наших дней);

не регламентированы нормативными актами, но производятся по устойчивейшей технологии и по единому

*образцу (или по сходным образцам);
утверждены традицией, бытующей в вооруженных силах в целом или в отдельных воинских частях;
вытекают из национальных традиций личного состава вооруженных сил или конкретных воинских частей;
диктуются общегражданской модой;
диктуются специфической военной модой;
диктуются удобством в конкретной ситуации боя, похода, повседневной жизни.*

В результате даже формально не регламентированный военный костюм оказывается весьма единообразным, оставляя мало места для индивидуальных отклонений. Усложняет задачу исследователя то обстоятельство, что военный костюм (как и костюм вообще) – динамично меняющаяся система, элементы которой находятся в постоянном развитии и взаимодействии. Поэтому элемент военного костюма, еще вчера не регламентированный и диктованный модой, завтра может быть регламентирован, а послезавтра подвергнуться изменениям под влиянием новой моды. Поверхностный взгляд заметит при этом только нормативный акт, регламентировавший этот элемент, тогда как внимательный исследователь поставит вопрос о процессе его развития.

При этом униформой можно считать регламентированный (с вышеуказанными оговорками) костюм, позволяющий по внешним признакам определять:

факт нахождения на службе у конкретного государства или корпорации – например, наличие кокарды (эмблемы); однако в ряде случаев костюм в целом достаточно характерен для определения государственной (корпоративной) принадлежности и не требует наличия особого элемента, указывающего на нее;

ранг служащего – наличие знаков различия по чинам (должностям) или категориям чинов (должностей);

принадлежность к воинской части, роду войск или учреждению – наличие соответствующих знаков различия.

Наше исследование охватывает период от основания флота в России до введения «екатерининского» мундирного регламента 1764 г. Имя Петра III не было вынесено в заглавие, поскольку при нем никаких изменений в форме моряков не произошло, а результаты работы созданной им Комиссии российских флотов и адмиралтейского правления воплотились в нормативные акты лишь в 1764 г.

Структура работы продиктована логикой изучения форменного костюма. Очевидно, что сначала следует определиться с тем, на какие группы делились военнослужащие, носившие тот или иной костюм, и какие обязанности они выполняли. Переходя к описанию самого костюма, мы полагаем необходимым начинать с изучения материалов для его изготовления, затем переходить к реконструкции отдельных предметов и наконец, костюма в целом. Далее следуют разделы, посвященные матросскому костюму и немецкому платью нижних чинов и офицеров флота. Мы считаем важным осветить костюм всех категорий «казенных людей» морского ведомства, включая и те, которые, как правило, не удостоиваются внимания, например работные люди и каторжники. Мы сознательно исключили из данной работы материалы о костюме морской пехоты, который уже удостоился специального рассмотрения в исследовании А. В. Кибовского и О. Г. Леонова [655], а также о костюме гардемарин и гребцов, как придворных, так и флотских, поскольку планируем издать работы, специально посвященные этим сюжетам.

Мы будем употреблять термин «немецкий кафтан» или «немецкое платье» для обозначения классического западноевропейского мужского костюма, который в XVIII в. был регламентирован в качестве военной формы в европейских государствах. В России он был принят в сухопутной армии (с 1703–1705 гг.) и в гражданской жизни высших сословий. Термин «немецкое платье» тем более оправдан, что его употреблял В. И. Даль в своем словаре в том же значении

(ср.: «фалда – одна из двух половинок хвоста немецкого платья» [610]).

Даты везде приводятся по старому стилю. Орфография цитат из источников в большинстве случаев приведена к современной норме. В списке источников мы приводим существующие на сегодняшний день официальные датировки и атрибуции произведений, тогда как в тексте и в подписях к иллюстрациям даем собственные варианты в тех случаях, когда полагаем их обоснованными.

Источники

Источники изучения форменного костюма XVIII в. принадлежат к трем типам – вещественные, письменные и изобразительные [686].

Письменные источники традиционно находились в центре внимания исследователей. Сравнительно рано началась их публикация. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ) включает в себя том 44 (часть 1), претендующий на то, чтобы быть полной публикацией «штатов по морской части», а также включает целый ряд нормативных актов, касающихся темы морского костюма XVIII в., разбросанных по разным томам. Не входя в подробное рассмотрение достоинств и недостатков этого издания, отметим, что оно включает далеко не все нормативные акты, публикаторы прибегали к произвольному сокращению текстов оригиналов. Нередки здесь и опечатки. Поэтому исследователь никак не может обойтись лишь обращением к текстам, опубликованным в ПСЗ.

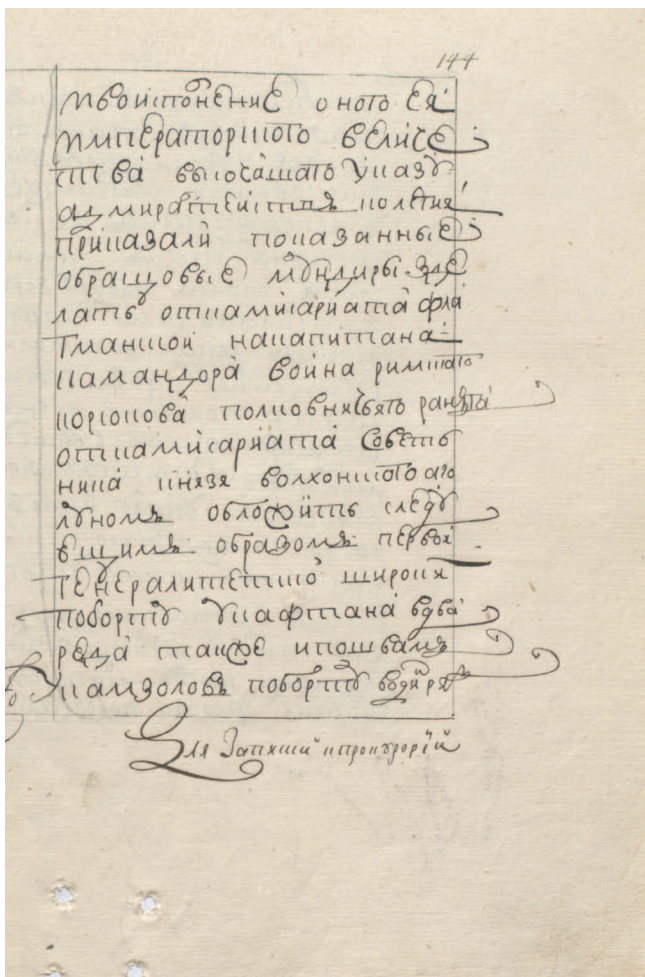
Делопроизводственные документы, относящиеся к истории морского костюма первой половины XVIII в., хранятся в основном в Российском государственном архиве Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ), но их можно найти и в других архивохранилищах, например в Научном архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (далее НА СпбИИ РАН), в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА). Если в РГА ВМФ и в РГАДА отложились целые фонды соответствующих учреждений, то в НА СпбИИ РАН и в ОР РНБ документы по истории флота попали случайно. В частности, в ОР РНБ оказались разрозненные листы из

дел Петровского времени, похищенные неизвестным лицом из Морского архива (предшественник РГА ВМФ), возможно, с целью собирания образцов почерка. Здесь оказались документы, имеющие большое значение для данного исследования, в частности ведомости наличия обмундирования на Ревельских складах на рубеже 1710–1720-х гг. В НА СпбИИ РАН попали учетные книги выдачи мундирного жалованья, вероятно, списанные из Морского архива и спасенные кем-то от уничтожения.

Описаны эти документы сравнительно плохо. Резко выделяются лишь несколько фондов РГА ВМФ, подробно описанных в последней четверти XIX в. в «Описании дел Архива Морского министерства» [614]. Заголовки архивных единиц хранения (дел), содержащиеся в описях, часто не соответствуют кое-где сохранившимся историческим заголовкам, указанным на старых обложках, а те и другие нередко не соответствуют содержанию единиц хранения.

Следует по достоинству оценить огромный информационный потенциал приговоров (или протоколов, журналов) Государственной адмиралтейств-коллегии (далее ГАК). Их количество (до нескольких тысяч номеров на один год) свидетельствует о том, что в этих приговорах отразились даже маловажные вопросы управления флотом, особенно его материальной частью. Остается лишь мечтать о современной научной сплошной публикации этих приговоров.

В свое время С. И. Елагин, Ф. Ф. Веселаго и ряд их помощников провели грандиозную работу по изданию «Материалов по истории русского флота» (далее – МИРФ), которые вышли из печати в 17 частях в 1865–1904 гг.

та, никак это не оговаривая. Довольно часто встречаются перестановки слов. В МИРФ присутствуют и более серьезные ошибки чтения документов. Так, в описании формы 1745 г. после указания на галун для отделки мундира офицеров, состоящих в полковничьих рангах, говорится о галунах для «состоящих в полковничьих и командорских рангах» [188]. В действительности, во втором случае идет речь о «состоящих в подполковничьих и майорских рангах» [351, л. 165]. Слово «майорских» действительно написано в оригинале приговора ГАК не слишком хорошим почерком, тем не менее его вполне можно прочитать правильно. Кстати, в оригиналах приговоров ГАК сохранились следы работы составителей МИРФ, предназначенные для публикации фрагменты очерчены карандашом.

Хорошее представление о том, насколько большим авторитетом пользуется МИРФ, дает следующий сюжет. В описании формы унтер-офицеров флота образца 1748 г. есть фраза: «Квартирмейстерам, баталерам, пи-

сарям секретарским и комиссарским [мундиры] против боцманматов же, а с позументом [на обшлагах] одним и с подкладкою из каразеи, с медными пуговицами» [355]. Составители МИРФ прочитали слово «комиссарским» как «коммерческим» и по страницам публикаций по истории морского костюма пошли «гулять» «коммерческие секретари» в ранге квартирмейстера флота [646, с. 58].

Осознавая недостатки МИРФ, мы, отдавая дань уважения предшественникам, при цитировании опубликованных документов ссылаемся на издание, а не на оригинал, в тех случаях, когда в публикации нет существенных искажений текста источника. По этим же соображениям мы сохраняем то название документа, которое ему дали публикаторы, если цитируем документ по публикации.

Оценивая сохранность делопроизводительной документации, посвященной морскому костюму первой половины XVIII в., следует отметить, что в РГА ВМФ отложилось сравнительно много источников по истории костюма Петровской эпохи, а также рубежа 30–40-х гг., тогда как документов, касающихся периода со второй половины 20-х до конца 30-х гг. и особенно с начала 40-х гг. до 1762 г., заметно меньше. На наш взгляд, это объясняется не особенностями документообразования, а спецификой хранения документов в последующие столетия. Во все времена признавалась безусловная ценность материалов Петровской эпохи, что предопределило их неплохую сохранность. Дела, в которых упоминался «известный титул» свергнутого младенца-императора Ивана Антоновича, были выделены сразу после елизаветинского переворота в особое хранение. Поэтому, как особо секретным, им меньше грозило уничтожение, однако хранились они в плохих условиях, о чем свидетельствуют утраты части листов в большей части дел этой группы.

Относящиеся к другим периодам дела, касающиеся снабжения обмундированием, как «маловажные», зачастую хранились небрежно или уничтожались. Это становится понятным, если учесть зачастую очень

громоздкие формы отчетности. Например, «Книги учетные раздаточные его/ее императорского величества мундирного жалованья» содержали записи о выдаче каждого предмета обмундирования каждому матросу. Одной страницы (формата близкого к А4) хватало для фиксации выдачи годового комплекта «мундира» двум-трем человекам. Поэтому даже от выдачи обмундирования сравнительно небольшому экипажу одного корабля оставалась книга объемом около 100 страниц. Можно понять ответственных за хранение архивных документов лиц, которые не видели ничего ценного в бесконечных повторениях фразы вроде: «Его императорского величества мундирное жалованье две пары чулков взял. Матрос 1 статьи Иван Сидоров сын Петров» [341].

Отметим также специфическую особенность выражения воли монарха в первой половине XVIII в. – далеко не всегда она фиксировалась письменным указом за подписью царя. Устное распоряжение также называлось указом и объявлялось через кого-то из государственных служащих так: «по указу его царского величества за подписанием руки господина генерал-майора и обер-штер-кригс-комиссара Григория Петровича Чернышева повелено...» [264]. В подобном случае не следует искать указ за подписью Петра I. Лишь при Екатерине II был установлен твердый порядок объявления устной воли монарха – был ограниченный круг лиц, которые имели право ее передавать, и круг вопросов, которых она могла касаться.

К. В. Татарниковым в 2009 г. был издан сборник документов по истории сухопутного мундира «Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801 гг.». Он позволяет обратиться к документам Военской коллегии и существенно дополнить освещение ряда вопросов по истории морского костюма.

При изучении письменных источников важную роль играет анализ цен на предметы снабжения. Напомним, что в 1698 г. содержание чистого серебра в рубле было понижено до 24,8 г, к 1712 г. оно достигло минимума – 17,1 г, с 1718 г. повышено до 20,7 г.

Понижение содержания серебра в рубле и продолжающиеся военные действия вызвали подъем цен к концу Северной войны. После ее окончания цены несколько понизились и оставались стабильными до конца 1760-х гг., когда произошло снижение содержания чистого серебра в рубле до 18 г (1764 г.) [692, с. 415] и началась эмиссия бумажных денег (1768 г.). Поэтому вполне корректно при оценке качества тех или иных материалов или предметов обмундирования исходить из неизменности цен во второй половине 20-х – конце 60-х гг. XVIII в. Конкретные наблюдения показывают, что цены на сукно, например, даже несколько снизились к 50-м гг. по сравнению с 30-ми гг. XVIII в.

Контракты на поставку готовой одежды для матросов британского флота первой половины XVIII в. [714] и нормы отпуска обмундирования матросам датского флота [704, с.174] дают ценный материал, позволяющий поставить русский морской костюм в контекст европейского.

В первой половине XVIII в. мемуарный жанр в России лишь начинал свое развитие, поэтому воспоминания русских людей этого времени немногочисленны. Из мемуарных источников, затрагивающих тему военно-морского форменного костюма, можно назвать лишь «Записки» И. И. Неплюева [400]. Я. С. Барш в своем уникальном дневнике, к сожалению, практически не затрагивает интересующую нас тему [397]. Записки датского путешественника П. фон Хавена проливают свет на важные моменты истории русского морского форменного костюма [402].

Описание одежды понтонеров времен Семилетней войны, которые одевались по образцу матросов, и множество соображений, касающихся изготовления и свойств канифаса, сохранилось в работе А. Немого, посвященной конструкции и эксплуатации понтонных мостов [412].

Существенной проблемой в работе с письменными источниками первой половины XVIII в. является правильное понимание употребляемых в них терминов. Наиболее близким по времени создания к

3. Кадеты Морского кадетского корпуса в реконструированных мундирах. 1901 г. ЦВММ [548]
 3. Cadets of the Naval Cadet Corps wearing the reconstructed uniforms, 1901

изучаемой эпохе толковым словарем является «Словарь Академии Российской», первый толковый словарь русского языка, изданный в 1789–1794 гг. Важно учитывать, что этот словарь иногда отражает особенности словоупотребления сравнительно узкой группы или короткого периода. Например, слово «каламянок» словарь толкует как «шерстяное исткание одноцветное или с полосками разных цветов, а иногда и с цветочками» [617], тогда как в первой половине XIX в. каламянок – «гладкая пеньковая или льняная ткань, беленая или суровая, похожая на демикотон» [610]. Согласно современному определению: «льняная ткань атласного переплетения, с настилом из уточных нитей на лицевой стороне, суровая, полубеленая или беленая» [612]. Учитывая, что каламянок в первой половине XVIII в. изготавливался на парусиновой фабрике, мы полагаем, этот термин означал в изучаемый нами период только льняную ткань.

Непреходящее значение имеет словарь В. И. Даля [610]. Также чрезвычайно полез-

ными оказались словарь И. А. Карповой, специально посвященный терминологии, связанной с тканями [612], и академический «Словарь русского языка XVIII в.», к сожалению, доведенный за 35 лет издания лишь до буквы У [621].

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Сохранились лишь единичные подлинные предметы обмундирования военнослужащих флота первой половины XVIII в. Прежде всего это башмаки, поднятые с затонувшего в 1719 г. 54-пушечного корабля «Портсмут», которые хранятся в Музее истории Кронштадта [551].

Предметы, поднятые с торгового судна «Архангел Рафаил», затонувшего у берегов Карельского перешейка в 1724 г., не относятся к регламентированному обмундированию русского флота [552–554; 559–561; 577 а; 581; 583–585; 593–595; 598; 601]. Они бытовали в среде моряков Северной Герма-

4. Сафонов А. П. Матрос 1711 года. 1890-е гг. ЦВММ [486]
4. Alexander Safonov, A Sailor, 1711, 1890s.

нии. Однако не будем забывать, что в первые годы существования русского флота матросы приобретали обмундирование самостоятельно, а нанятые в Европе приезжали в Россию в европейской матросской одежде. Поэтому аналогичные предметы могли носить моряки русского флота, а похожие вещи могли служить образцами для казенных заказов.

Недавно в одном из зданий Первого кадетского корпуса в Петербурге было обнаружено большое количество предметов обмундирования [556 б; 577 б; 577 в; 591]. Они были найдены под полом помещения, построенного на рубеже 30–40-х гг. XVIII в., причем вещи несут следы сильного износа, а иногда и вторичного использования (рукав от рубашки, возможно, функционировал в качестве мешочка или чехла). Поэтому мы полагаем, что эти предметы бытовали в 20–30-е гг. Они не имеют прямого отношения к флоту, но позволяют судить о типовой для военной среды одежде и аксессуарах.

5. Сафонов А. П. Подштурман 1748 года. 1890-е гг. ЦВММ [489]
5. Alexander Safonov, A Master's mate, 1748, 1890s.

В европейских коллекциях хранятся предметы одежды и аксессуары матросского быта, аналогичные использовавшимся в русском флоте [550; 606–609; 707 а].

Ряд предметов одежды, которые можно было бы принять за памятники первой половины XVIII в., являются в действительности реконструкциями начала XX в. для юбилейных торжеств (например, для 200-летнего юбилея Морского корпуса) [548].

Петр Великий любил носить на маскарадах матросский костюм. Так, он был в нем на свадьбе князь-папы Н. М. Зотова в 1714 г. [693 б, с. 180]. На свадьбе нового князь-папы П. И. Бутурлина в сентябре 1720 г. «государь, в том машкараде, был в черном бархатном матросском платье и [на нем была] голландская шляпа, а шел с барабаном, изволил бить бой барабанной» [399, с. 9]. На маскараде по случаю Ништадтского мира 10 сентября 1721 г. «его величество представлял корабельного барабанщика... Царь, одетый, как